

ПЛАНШЕТ

КО ДНЮ 60-ЛЕТИЯ ПОБЕДЫ МЫ ПУБЛИКУЕМ РАССКАЗ
ВETERАНА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ ГРИГОРИЯ ЕФИМОВИЧА ГОЛУБА

Командир гвардейского мотострелкового полка подполковник Мухаметдинов, как всегда, был краток:

- Догонишь немцев, в бой не вступай. Обозначишь ракетами свой передний край и наведешь штурмовики на немецкую оборону. Напоминаю: опоздаешь или неточно обозначишь себя - разнесут летуны в клочья. Знаешь ведь, как погиб командир корпуса со своим штабом. Давай карту и таблицы взаимодействия с авиацией. Определим твои промежуточные НП, я на них буду выдвигаться за тобой. Сверим-ка сигналы и время подачи ракет штурмовикам. Достанешь немцев - по радиации сразу сообщай, я вызову авиацию.

Мухаметдинов подозвал стоявшего поодаль моего ординарца Ваню Камалова и что-то ему сказал по-татарски. Ваня бодро ответил.

Командир уехал. Звук его мотоцикла сразу пропал в густых зарослях апрельского леса.

- Что он тебе сказал? - поинтересовался я.

- Полковник очень хороший человек. Он сказал, чтоб я берег тебя, что отвечаю за тебя калганом (головой).

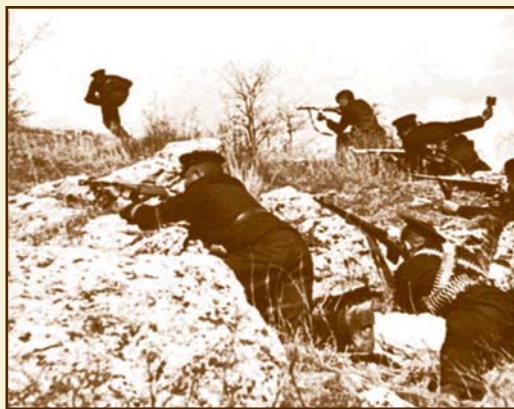
Начинался теплый апрельский день в Альпах. Легкий туман из долин поднимался прозрачной пеленой и, если посмотреть сверху, казалось, что она четко отделяет подножия гор от склонов, поросших гус-

тым лесом. Единственная шоссейная дорога уходила в долину и затем терялась в тумане. Где-то там впереди немцы.

В передовом отряде у меня было два танка, шесть студебеккеров с бойцами и взвод мотоциклистов. На марше колонна растягивалась примерно на триста метров и на узком шоссе, от которого по бокам поднимались склоны, была весьма уязвима.

На очередном промежуточном рубеже я отправил вперед в боевой дозор и разведку три мотоциклиста, один из которых в случае обнаружения противника должен был немедленно вернуться. Судя по карте, километрах в двадцати горы уступали место холмистой равнине с небольшой речушкой, к счастью бежавшей вдоль дороги. Я предполагал, что на этих холмах немцы могут организовать оборону, и поэтому остановил движение до сообщения разведки. Накрапывал теплый дождик, остро пахли какие-то цветы. Я слез с танка и запутался в длинном ремне планшета, снял его и положил на небольшой бугорок.

Было тихо, стрельбы со стороны, куда ушел боевой дозор, не было. Прошло довольно много времени, я начал нервничать. Но тут появился мотоциклист. По его докладу выходило, что немцы строят рубеж на другой стороне равнины у новой гряды и, судя по всему, торопятся. Видно, что копают они на довольно широком фронте. Я понимал, что дать немцам укрепиться - это при их упорстве в обороне приведет к большим потерям. Я впрыгнул в танк и двинул колонну вперед. У выхода из леса меня встретили дозорные и под-

твердили доклад их товарища. В бинокль я видел, что работы ведутся не только по фронту, но и в глубине. Очевидно, немцы решили здесь задержаться. Я по радиации все доложил Мухаметдинову, который приказал развернуть батальон, хорошо замаскировать технику, постараться убрать машины в лес.

- Я вызываю авиацию. Обозначь ракетами свой передний край на всем фронте батальона и укажи им ракетами новую оборону немцев.

- Минут тридцать у меня есть, - подумалось мне, - Я все успею.

Я отдал соответствующие распоряжения и решил подготовиться к встрече авиации. Но планшета с таблицами взаимодействия не было. Не оказалось его и в танке. И тут я вспомнил, как положил планшет в густой пушистый мох на бугорке.

Я ясно представил себе, как разворачивающиеся для атаки Илы увидят на шоссе колонну и не упустят эту удобную и желанную цель, приняв за противника. Не случайно комполка напомнил мне о гибели штаба корпуса. Это было в Болгарии, когда мы очертя голову гнались за немцами; старшие штаба порой вырывались вперед и оказывались перед передовыми отрядами. Так случилось и в этот роковой день. Командир корпуса со штабными машинами оказался впереди всех частей и не исключено, что у ближайших офицеров связи в этот момент не оказалось таблиц взаимодействия с фронтовой авиацией. Илы настигли колонну на шоссе между двумя заросшими лесом холмами. Когда мой механизированный полк достиг этого места, все было уже кончено. Горели разбитые машины; трупы погибших уже сложили в стороне от шоссе, тело генерала и трупы некоторых старших офицеров увезли. Вся эта жуткая картина предстала перед моими глазами так отчетливо и ясно, что у меня перехватило дыхание. Я бро-

сился к радию, чтобы через командира полка остановить атаку с воздуха, но было уже поздно: гул моторов наплывал, и вот-вот из-за гор вынырнут самолеты. И в этот момент в утрашающий подавляющий рев, который гнет к земле все живое, вошел треск мотоцикла.

- На, вот твой планшет! С тебя магарыч. Хозяин не знает.

Минуту назад я был в состоянии растерянности, оцепенения, паники, казалось, гибель батальона неминуема, теперь же со спокойной уверенностью продолжал командовать отрядом.

В ноябре сорок второго года в Сталинграде перед самым началом наступления ударили довольно крепкие морозы, снег покрыл разбитую технику, трупы, руины. Бои в городе почти везде прекратились, немцы, деморализованные невозможностью добиться успеха и наступившими жесткими морозами, забились в подвалы разрушенных домов, пытались хоть как-то согреться у огня.

Рота, в которой я командовал взводом, занимала мощный бетонный полуподвал, где расторопные солдаты наладили своеобразный окопный быт: сложили подобие печек, устроили места для отдыха и хранения оружия. Поочередно взводы выдвигались на ночь в боевое охранение в окоп у дома перед площадью.

Мой взвод заступил в ночь на шестнадцатое. Лейтенант, которого я менял, так замерз, что только махнул рукой и быстро увел своих солдат, спеша к теплу и еде.

Я установил ручной пулемет и проверил его. Стрелять не стал, чтобы не вызвать ответного огня и не демаскировать себя, но, сняв диск, нажал на курок - механизм работал исправно. Я расставил солдат, новичкам объяснил, что и как нужно делать, а сам остался у пулемета.

Потянулись бесконечные томительные ночные часы. С той и другой сторо-

О ГРИГОРИИ ГОЛУБЕ РАССКАЗЫВАЕТ ПИСАТЕЛЬ И БЫВШИЙ РАЗВЕДЧИК МИХАИЛ ЛЮБИМОВ

Когда после окончания МГИМО меня срочно бросили на освободившуюся вакансию секретаря консульского отдела посольства СССР в Финляндии, моим грозным шефом стал Григорий Ефимович Голуб, энергичный и обаятельный брюнет.

Я сразу же догадался, что должность консула для него лишь "крыша", впрочем, он особо этого и не скрывал и вскоре привлек меня к славным шпионским делам, рекомендуя заводить связи среди американцев. Поскольку я был тогда холостяком, он постоянно меня пугал "ухом и глазом КГБ", дабы я не пал жертвой какой-нибудь сногшибательной красотки.

Через год мы расстались, ибо моя любовь к разведке была не без помощи Голуба замечена начальством, и меня направили в разведшколу в Москву. Мы подружились, и когда на Григория Ефимовича обрушился развод, мы с женой подобрали ему невесту - актрису театра Людмилу Горюнову, с которой он жил долго и счастливо.

Судьба не баловала Григория: детдомовское детство, война на передовых - от звонка до звонка, непростая работа разведчика за границей, затем изгнание из КГБ (сыграли роль независимый характер Голуба и интриги окружения), работа в Управлении культуры и многих других местах.

В 2003 году Григорию Ефимовичу исполнилось 80 лет. Вскоре его постигло и несчастье: внезапно умерла любимая жена Людмила, и он остался с дочкой, известной актрисой Мариной Голуб, и внучкой.

И вдруг он начал писать. Читатель без труда почувствует талант: его маленькие рассказы глубоко человечны и искренни, это правда очевидца о войне, а не лакированная проза, которую нам иногда предлагают.

ны изредка поднимались ракеты, и слышались редкие короткие пулеметные очереди. Было очень холодно, мороз забирался под шинель и в рукава; непрерывно шел снег. Несмотря на холод, наваливалась дремота.

Уже под утро, когда казалось, что ночь пройдет тихо, передо мной, как будто из-под земли, появилась цепочка белых призраков, бесшумно выпорхнувших из снежного тумана.

Я приложился к пулемету и нажал на спусковой курок, но рама медленно пошла вперед и остановилась. "Замерзла смазка", - понял я и взял противотанковую гранату.

- Ну что, салаги, совсем замерзли? - услышал я знакомый голос мичмана из полковой разведки, - Даже пароля не спрашиваете. Я уж подумал, что вышли не на тех, через которых уходили, не дай Бог. Это ты, что ли, а где Сидорчук?

- Я его вечером сменил, - почти заикаясь, ответил я.

- Немцы от холода совсем задубели, сидят в своих норах, как крысы. Один вылез, так мы ему соорудили полную полундру. Вон он в кульке.

Только теперь я заметил продолговатый белый сверток, лежащий на бруствере окопа.

- Ну, мы пошли, курить до смерти хочется. Бывайте.

Подхватив свою ношу, они растаяли в снежной мгле.

Кровь медленно возвращалась в сердце. Еще мгновение, и ...

Сколько раз я был в обстоятельствах, трагический исход которых неизбежен, и вдруг в одно мгновение все менялось!

Сколько раз парализованный ужасом предчувствия неминуемой гибели, когда, задыхаясь от пороховых газов в смертельном огненном вихре артиллерийских разрывов и авиационных бомб, я превращался в жалкий комок живой плоти, способный только на одну животную страсть: ЖИТЬ! ЖИТЬ!

И вдруг огонь прекращался, и в одно мгновение я снова был способен разумно мыслить и действовать!

Чья же это могучая рука взмахом своей дирижерской палочки вершит человеческие судьбы?!

